

Глава II

Юность

Двусмысленные требования общества: «веди себя по возрасту»

Быть молодым нелегко: удобства детского возраста находятся в процессе исчезновения, а преимущества зрелости еще не торопятся стать доступными. Неясно, когда начинается молодость и когда она кончается. И уж совершенно неясно, что она означает, когда протекает. Никакие четкие разделительные линии не разграничивают различные стадии биографии. Современное общество имеет мало «церемоний перехода», если вообще имеет таковые, которые во многих человеческих обществах обозначают пороги между четко определенными стадиями в прогрессивном движении индивида сквозь жизнь. Тем не менее, молодых людей в современном обществе часто призывают «вести себя по возрасту», в то время как общество в то же самое время весьма двусмысленно в том, что это на самом деле означает. Молодой человек в этом обществе подвергается воздействию бюрократического образовательного истеблишмента и болезненным конкурентным давлениям внутри него. И ему полагается принимать все это с величайшей серьезностью. В то же самое время его участие в принятии важных решений, оказывающих влияние на его жизнь, подвергается серьезным сомнениям со стороны взрослых. От юношей ожидается, что они будут служить в армии, но (по крайней мере, до недавнего времени) им не разрешали голосовать. Девушки подвергаются совершенно противоречивым ожиданиям: с одной стороны на них давит ряд экспектаций в смысле традиционных ценностей, кото-

рые делают акцент на добродетели «женственности», с другой — все более жестко утверждают равенство полов, а также право женщины на независимую карьеру и необходимость такой карьеры. Подобно этому, юноши и девушки предстают перед сбивающим с толку выбором не только карьеры и рода занятий, но и жизненных стилей и систем убеждений. Более того, мир взрослых не только проявляет себя довольно беспомощным перед лицом этой ситуации, в которой оказалась современная молодежь, но, кажется, реагирует на это с истерической несовместимостью: то молодежь провозглашают чем-то вроде мессианской надежды общества, то ее обвиняют в зловещем заговоре ниспровержения.

Сплачивание вместе: против привязанных

Неудивительно, что в такой ситуации людям приходится держаться вместе. Поэтому развиваются молодежные сообщества с четко выраженными собственными характеристиками. В таком сообществе молодые люди могут держаться вместе и давать друг другу хоть какое-то утешение перед лицом фрустраций, налагаемых миром взрослых. Идентичность молодого бытия громко провозглашается в одежде, языке и эстетическом стиле. В рамках образовательных истеблишментов сообщества молодых представляют себя антитезисом бюрократии и бюрократическому этосу почти в каждой детали. Там, где бюрократии стремятся насаждать порядок, сообщества молодых представляют спонтанность, иногда переходящую в хаос. Там, где бюрократия продвигает дисциплину, общество молодых прославляет наслаждение. Взгляд молодежи на бюрократию довольно удачно уловлен в понятии привязанный*. Молодежь определяет себя в прямой антитезе этой привязанности**. Это — болтающийся, спонтанный, свободный. Быть молодым в современном обществе — значит искать убежищ. Сообщество молодых воспринимается как убежище.

* Uptight.

** Uptightness.

Биология и закон.

Обладание зрелым телом, состояние юности

Что такое юность? Здравый смысл предполагает, прежде всего, биологический ответ. Как и во многих других вещах, здравый смысл здесь оказывается довольно ошибочным. Очевидно, что существует биологический процесс роста, который начинается при рождении (более точно — при зачатии) и продолжается до тех пор, пока индивид не достигнет зрелости, характерной для своего вида. После этой точки он, увы, начинает быстрее или медленнее спадать. Возможно также, что временной промежуток биологического созревания варьирует от одного промежутка к другому. Некоторые антропологи предполагают, что на протяжении последнего столетия, или около этого, половое созревание имело тенденцию наступать все раньше и раньше. Если это так, то ясно, что процесс биологического роста устанавливает пределы тому, чего общество может ожидать от индивида в любой данный момент. Бесплезно для общества было бы ожидать от двухлетнего ребенка участия в работе правительства или от семидесятилетнего старика — чтобы он показывал превосходные результаты в атлетизме. Однако, как мы могли увидеть гораздо раньше, в ходе нашего обсуждения социализации, эти биологические факты лишь задают очень широкие параметры социализации и социальным определениям реальности. В любом случае биологические факты человеческой биографии не предлагают определенного руководства ни для продолжительности, ни для культурного содержания юности. В чисто биологических терминах можно было бы определить юность как начинающуюся с того дня, когда индивид потерял последний молочный зуб, и заканчивающуюся в тот день, когда он обнаружит у себя первый седой волос. Не существует *биологических* причин, по которым мы не могли бы принять такого определения.

С другой стороны, если здравый смысл формируется скорее бюрократическим, нежели научным воображением, можно было бы поискать какие-то закономерности для ответа на вопрос о характере юности. Американское законодательство действительно изобилует различными статутами и правовыми институтами, которые направлены специфически на юность. Фак-

тически существует целая юрисдикция с собственной судебной системой, которая имеет дело с юношеской преступностью. Закон в таком случае совершенно определенно полагает, что существует такая вещь как юность, и она должна быть отличима как от предыдущей, так и от последующей биологических стадий. Однако право, помимо всего прочего, — это не самый лучший путеводитель для понимания того, что же представляет собою это явление. В США можно получить водительские права в четырнадцать лет, не беспокоиться о статуторном изнасиловании в шестнадцать, ходить на грязные фильмы и голосовать в восемнадцать. Если не присматриваться к тому, что эти возрастные пороги широко варьируют от одного штата к другому, какой из этих различных порогов расценивать как обозначающий границы юности? Социолог может лишь указать, что закон всегда отражает то общество, в котором он существует, и что в данной конкретной области двусмысленность закона отражает двусмысленность понимания обществом юности. Мы можем опять же сослаться на знаменитое утверждение американского социолога У.И. Томаса: Если люди определяют ситуацию как реальную, она и есть реальная по своим последствиям. Во всяком случае, для социолога юность не представляет собою ни биологического, ни правового факта. Скорее это дело социального определения. Биологические факты просто устанавливают параметры этого определения, в то время как правовые факты представляют собою его последствия.

Детство, [юность], зрелость: вставка новой фазы в биографию

Разные общества сильно различаются по тем способам, какими они определяют различные стадии биографии, и довольно сильно различаются в своем определении юности¹. Каждое общество понуждается биологическими фактами проводить дифференциацию по меньшей мере между

¹ См. S.N. Eisenstadt, *From Generation to Generation*, New York: Free Press, 1956; Erik Erikson (ed.), *Youth: Change and Challenge*, New York: Basic Books, 1963; Muzaffer Sherif and Carolyn Sherif (eds.), *Problems of Youth*, Chicago: Aldine, 1965; F. Musgrove, *Youth and the Social Order*, London: Routledge & Kegan Paul, 1964. Важный исторический взгляд (на подъем и извращение молодежного движения в Германии) см. Howard Becker, *German Youth: Bond or Free*, Kegan Paul, Trench, Trubner, 1946.

более ранними фазами детства и тем, что происходит в жизни индивида позднее. Поэтому каждое человеческое общество имеет какое-то определение детства. Но многие общества не осознают стадию между ним и полноценно признанной зрелостью. Другими словами, во многих обществах индивид вступает в зрелость прямо из детства, не имея никаких промежуточных стадий.

Израильский социолог С. Айзенштадт (один из крупнейших авторитетов по проблемам юности) предполагал, что общества будут развивать сильное определение юности до той степени, в какой существует резкое расхождение в ценностных ориентациях между семьей и более крупными институтами общества². В таком случае период юности требуется для того, чтобы помочь индивиду совершить переход из одного мира в другой. Если это так, то определение юности в современном обществе стало в значительной степени иным, нежели те, что существовали в любом другом из известных нам обществ. Юность не только вставляется между детством и зрелостью как отчетливая биографическая фаза, но эта фаза еще и расширилась в обоих направлениях и была в значительной степени создана ее собственным социокультурным миром. Глобальная тенденция состоит в том, что юность начинается все раньше и раньше и продолжается все дольше и дольше. Стили жизни и паттерны поведения, которые лишь несколько лет назад были характерными для студентов колледжей, сегодня проникают в старшие классы средних школ и могут достигать даже более ранних возрастных групп. На другой временной границе кто угодно моложе тридцати определенно думает о себе как о молодом, а символы юности могут выставляться напоказ и на гораздо более поздних стадиях. Дипломы выпускников получают сегодня индивиды в возрасте, перевалившем за тридцать. Что касается политиков и администраторов, то среди них к любому, слегка перевалившему за сорок, относятся как к «молодому». Эти социальные факты относятся к росту жизненных экспектаций, которые, как мы видели в начале этой книги, были одним из великих изменений в современном обществе. Они, очевидно, создают различие в том, может ли индивид, отметивший свой тридцатый день рож-

² Eisenstadt, *op. cit.*, *passim*.

дения, разумно ожидать еще тридцати или сорока лет жизни. Но социальные определения юности не могут быть полностью объяснены с точки зрения демографической статистики. Они более тонки и сложны и должны быть соотнесены с разнообразием факторов в современном обществе.

Почему индустриализация является причиной «юности»?

Базовым каузальным фактором юности является индустриальное общество и его институциональная динамика. Феномены, которые характеризуют юность в Америке, очень схожи с теми, что можно обнаружить в других индустриальных странах, в то время как положение молодых людей в так называемом развивающемся мире совершенно иная. Почему индустриальное общество продуцирует феномен юности? Мы уже упоминали прежде об углублении разделения труда, вызванном индустриальной революцией. Мы видели, как это разделение труда, отделило семью (и ее детей) от процесса современного производства и администрирования. Современная юность — это дальнейшее развитие институционального разделения или дифференциации. Британский социолог Ф. Масгроув довольно элегантно описал эту связь:

Юношество было изобретено в то же самое время, что и паровой двигатель. Изобретателем последнего был Уатт в 1765 году, первого — Руссо в 1762. Изобретя юношество, общество столкнулось с двумя основными проблемами: как и где приспособить его в социальную структуру и как сделать его поведение согласованным с соответствующими инструкциями³.

Понятие «юношеский» не совсем адекватно, поскольку сам феномен юности шире, нежели понятие юношества, но общая формулировка применима равным образом и к юности. Скажем иначе: индустриальная революция продуцировала институциональную структуру, которая «дает место»

³ Musgrove, op. cit., p.33.

для юности. Отделив первоначально семью от институциональных областей экономики и государства, индустриальная революция создала как бы промежуточную область, в которой могла в самых разнообразных формах процветать «частная жизнь». Юность — это один из многих «предметов роскоши» в этой ситуации. Он похожа на детство в одной из фундаментальных характеристик, а именно — в ее отделении от «серьезных» видов деятельности экономических и политических институтов.

Специализация и образовательный этос

Еще один эффект индустриальной революции в этой области относится к структуре занятости. В значительной степени разделение труда в современном обществе требует непрерывно возрастающей специализации. Логично или нет, эта специализация привела к все возрастающей сложности образовательных требований к любому из возможных типов занятости. Это неизбежно влечет за собою удлинение периода, который, как ожидается, индивид проведет в рамках образовательной системы. Существует также общее предположение, что в этом обществе требуется довольно высокий уровень общего образования почти для всех рабочих мест.

Подходящим примером здесь, возможно, является полиция. До очень недавнего времени образовательные требования к этому роду занятий были минимальными. Хорошие физические данные, средний интеллект и характер, соответствующий моральным требованиям (что бы они ни означали) — были единственными предварительными условиями для поступления на эту работу. Сегодня в большинстве американских городов абсолютно необходимым является свидетельство об окончании средней школы, а в департаментах полиции некоторых городов (например, в Нью-Йорке) считают весьма желательным, чтобы полисмен еще и посещал бы в течение нескольких лет колледж. Поскольку в структуре занятости установлен такой образовательный этос, становится трудно сказать, какие же образовательные требования реально необходимы для адекватного выполнения определенной работы и какие являются просто делом статусных манипуляций. Другими словами, некото-

рые сферы занятости могут принудить кандидата провести три года в определенном типе школы, потому что этот период необходим, чтобы передать и получить требуемые знания и умения. Однако и другой род занятий может также предъявить требования трех лет образования, поскольку это облегчает предъявление требований обществу соответствующих правовых и экономических привилегий. В этом случае, если учебный план, простирающийся на три года, не предлагает с готовностью себя сам, его необходимо изобрести с помощью всех необходимых средств.

Изъятие молодых из фабрики и помещение их в школы

К счастью (хотя вряд ли случайно), эти образовательные требования индустриальной структуры занятости оказались связаны с образовательным этосом, который был одним из главных продуктов возникающей буржуазии⁴. Здесь не место размышлять о том, что настало первым — образовательные требования индустриального общества или образовательный этос класса, в наибольшей мере ответственного за формирование этого общества, или (как мы склонны думать) то, что два эти явления подпитывали друг друга на протяжении времени. Какой бы ни была историческая хронология, по мере того, как образовательные требования индустриального общества (реальные или воображаемые) возрастали, то же самое происходило и с верой в образование, и с образовательной системой, которая институционально воплощала в себе эту веру. Отделение детства и ранней юности от процессов производства было узаконено законами об использовании детского труда. Достаточно логичным образом включение детства и ранней юности в рамки образовательной системы также было легализовано через законы об обязательном образовании. Другими словами, право следовало за социальными определениями реальности; юности присваивалось подходящее для нее место в социальном порядке.

Соответственно участие молодых людей в рабочей силе в индустриальном обществе устойчиво сокращалось. В Соединен-

⁴ См. Philippe Aries, *Centuries of Childhood*, Penguin Books, 1973, Part II, 'Scholastic Life'.

ных Штатах входило в состав рабочей силы 62,1 процента мужчин в возрасте от 14 до 19 лет. К 1930 году этот процент сократился до 40,1 процентов, а к 1960 г. — до 36,5 процентов⁵. Конечно, это сокращение показывает значительные классовые различия, которые были гораздо острее в более высоких классах. Имела ли эта связь молодежи с рабочей силой латентные экономические функции или не имела, остается открытым для обсуждения. Если предполагать, как это делали некоторые экономисты, что современное индустриальное общество не могло впитать в себя всю доступную рабочую силу, тогда недопущение молодежи на рынок труда по каким бы то ни было причинам экономически функционально. Если бы кто-то усомнился в этой экономической позиции, тогда то же самое экономическое исключение было бы совершенно иррационально. Какова бы ни была экономическая логика этого предмета, понятие «юность» во все возрастающей степени относится к той части населения, которая не привлечена к оплачиваемой работе.

Опять же необходимо упомянуть демографический фактор, а именно — крутое снижение детской смертности, которое стало следствием современной медицины и питания. Это было очень простым следствием с точки зрения резкого возрастания числа молодых людей в современном обществе: вокруг стало больше молодых. Поэтому институты, предназначенные иметь дело с молодежью, в особенности образовательная система, должны приспособливаться к большим массам молодых людей. Этот массовый характер современной юности имеет не только количественные, но также и качественные последствия.

Социально-психологические факторы: «опережающая социализация» и отчужденность от родителей

Однако индустриальное общество произвело на свет также и более тонкие социально-психологические факторы, которые, в конечном счете, и породили феномен юности. Вероятно, человеческому обществу внутренне присущи разделения между поколениями. Однако эти отделения в современном обществе значительно углубились. Тому есть

⁵ Jacob Mincer, «Labor Force», в *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 8, New York: Macmillan, 1968, p.474.

две причины. Одна из них состоит в большей степени социальной мобильности всех типов, что ведет к тому факту, что очень часто люди перемещаются в социальное окружение, которое в значительной степени зависит от того, что было у их родителей. И если даже такого не случается, то в результате того, что Роберт Мертон называл «опережающей социализацией», они *стремятся* к такому иному окружению и уже поэтому отчуждаются от родительского поколения. Другая причина — это явная сложность современного общества, которая означает, что разные люди живут в значительной степени различной жизнью. Фактором этого стало опять же отделение семьи от «важных» процессов социальной жизни. С точки зрения юных, их старшие представляются исчезающими в чужой мир, время от времени вновь появляясь внутри ограниченного контекста, который они разделяют с юными. Почти неизбежно социально-психологическим эффектом этого становится та или иная степень отчужденности. В результате углубления разделения между поколениями у молодежи возникает мощная тенденция становиться автономными, то есть устанавливать свои собственные нормы и паттерны, которые относительно независимы от тех, что действуют в мире взрослых. Исключенная из «серьезных» забот взрослого мира и предоставленная своим собственным ресурсам, молодежь оказалась перед необходимостью заново определять себя с каждым новым поколением в современном обществе. Неудивительно, что это определение — особенно в последнее время — обычно оказывалось в преднамеренной оппозиции с определениями реальности, преобладающими в поколении родителей.

Социализация в «открытое окончание»

Возможно также, что другой каузальный фактор следует искать в сложных и часто амбивалентных процессах социализации, которые преобладают в современных обществах⁶. В то время как социализация в большинстве домо-

⁶ Эта позиция была разработана Арнольдом Геленом, современным немецким социологом, чьи работы и по сегодняшний день недоступны на английском языке. Среди работ, которые были написаны под влиянием этого подхода Т. Luckmann, *The Invisible Religion*, New York, 1967; А. Zijderveld, *The Abstract Society*, Penguin Books, 1974.

дернистских обществ была высоко интегрированной и совместимой, обеспечивая индивидов сильными паттернами, в которые они вращались, социализация в современном обществе стала характеризоваться прерывистостью и несовместимостью. Такая ситуация, вероятно, приводит к продуцированию таких личностей, чья интеграция оставляет желать лучшего — другими словами, индивидов, которые совершенно не уверены в себе. Первичная социализация, равно как и ранние стадии вторичной социализации, в современном обществе как бы не завершают своей работы. Они оставляют личность «открытой». Если это так, то отсюда следует, что период, отложенный для завершения социализации индивида, будет весьма функциональным. Юность, как она определяется современным обществом, отвечает этому требованию. Это означает, что биографическая стадия юности имеет своей целью дать индивиду время для завершения социализации, одним словом — «найти себя».

Паттерны юности:

эмоциональная интенсивность
и ролевое экспериментирование

Юность в современном обществе имеет и формальные и неформальные последствия. Наиболее важным формальным последствием стало «вписывание» юности в гигантский образовательный истеблишмент. Но равным образом имели место и неформальные последствия, а именно — развитие автономных социальных и культурных паттернов для молодежи. Некоторые из них явно возникли — в определенной степени спонтанно — в самом сообществе молодых. Другие паттерны развились во взаимодействии между этим сообществом и более крупным обществом. А некоторые, несомненно, были результатом прямой и преднамеренной манипуляции со стороны последнего. В любом случае молодежь в современном обществе — это не просто большая масса молодых людей, проходящих через образовательный истеблишмент. Это явление гораздо более сложное, и оно содержит в себе институциональные формы, отличные от образовательного истеблишмента и в некоторых случаях прямо противостоящие ему.

Каковы эти автономные паттерны современной молодежи? Вероятно, наиболее важным сегодня является то, что юность — это период эмоциональной сумятицы или, по меньшей мере, значительной эмоциональной интенсивности. Это до некоторой степени обязано своим происхождением простым биологическим фактам. Именно потому, что юношеский организм более энергичен, представляется правдоподобным предположить, что эмоциональный склад молодых способен к поддержанию более интенсивной деятельности, чем у их старших родственников. Этого, однако, недостаточно, чтобы объяснить ни степень эмоциональности, которую демонстрирует этот феномен, ни различия между современной молодежью и сравнимыми биографическими стадиями в других обществах. Скорее можно утверждать, что эмоциональное качество современной молодежи само является следствием ее социального определения. Оно отражает двусмысленность и конфликтность, присущие современному определению юности. Важным элементом в этой эмоциональной структуре является секс. Для этого, разумеется, имеется опять же биологическое основание. Но юность, как она определяется в современном обществе, имеет особенно интенсивный сексуальный аспект. Это период сексуальных открытий. Сексуальные средства используются для облегчения сексуальных напряжений внутри индивида; с другой стороны, юношеская сексуальность порождает свои собственные сексуальные напряжения и кризисы.

Однако в гораздо более широком смысле юность — это период экспериментирования. Сексуальные роли — лишь один из аспектов этого. Другим способом выразить это будет утверждение, что в пределах социально возможного теперь предпринимаются попытки реализовать фантазии опережающей социализации. Теперь индивид «примеряет» различные роли — с другим полом, в новых и различных контекстах, в различных родах занятий (чаще в курсах обучения, которые предполагают подготовку к этим родам занятий) и в связи с различными эстетическими или идеологическими образами мышления. Поэтому у юности имеется игровой, а иногда даже театральный аспект, но это не должно отвлекать от важности, которую эти игровые действия имеют для индивида. Иногда эти исполнения в самом деле удручающе серьезны. Сущностным элементом опыта юнос-

ти в современном обществе является неустойчивость ценностей (или, выражаясь иначе, их недостоверность) и фактически — идентичность как таковая. «Что означает сделать хуже?», «Как я проживу свою жизнь?», «Кто я?» — таковы типичные вопросы юности. В то время как универсальное человеческое качество этих вопросов не вызывает сомнений, они получили особую остроту и настоятельность как результат современного определения ситуации юности. Поэтому период юности очень сильно характеризуется поиском «аутентичных» ценностей и идентичности. Общество ожидает, что на протяжении этого периода индивид «найдет себя», и в очень значительной степени это ожидание твердо интернализировано в сознании юных индивидов. Общество далее осознает, что этот процесс самооткрытия будет включать в себя разного рода эксперименты. Другими словами, от юного индивида ожидают, что он «перебесится»* — не только сексуально, но и во всех значимых областях социальной жизни.

Молодежная культура или субкультура?

Мы предположили, что эти базовые характеристики юности сегодня проистекают из внутренне присущих структур индустриального общества. Эти характеристики не являются всецело новыми и в некоторых отношениях простираются, по меньшей мере, до конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века. Представление о молодежи, вовлеченной в некие разновидности благородной борьбы со старшими поколениями, не совсем новое и находит свое первое мощное выражение в движении Романтизма, около 150 лет назад. По упомянутым выше причинам, этот конфликт был особенно острым среди буржуазной молодежи, и в особенности в том ее сегменте, который был связан с институтами высшего образования. В ряде западных стран студенческие движения под знаменами бунтующей молодежи сыграли с тех пор важную культурную и политическую роль⁷. Однако позднее (в Америке это отчетливо наблюдалось на

* В оригинале — *to sow wild oats*.

⁷ См. Lewis Feuer, *The Conflict of Generations*, London: Heinemann, 1969. О роли университетов и студенческой идеологии см. David Martin (ed.), *Anarchy and Culture*, London: Routledge & Kegan Paul, 1969.

протяжении последнего десятилетия*) все это значительно обострилось. Причины этого широко обсуждаются, и здесь неуместно предлагать наше собственное объяснение. Достаточно сказать, что этот конфликт проявился в нескольких пунктах, где сообщество юных пришло в конфронтацию с бюрократическими структурами современного общества — в особенности, конечно, в образовательном истеблишменте. Необходимо также указать, что эта конфронтация и последующий конфликт имели место почти во всех продвинутых индустриальных обществах, никоим образом не ограничиваясь Америкой.

В этом обострении конфликта показательно, что недавние комментарии по современной молодежи — и со стороны социальных исследователей, и со стороны масс-медиа — в качестве адекватного описания того, что происходит, приняли понятие *молодежной культуры*. Само слово «культура», конечно, предполагает, что здесь имеется некое отличное от традиционного представление о ней, с которым более крупное общество должно бороться. Это очень недавняя разработка. Около десяти лет назад это понятие либо не обсуждалось вовсе, либо его валидность подвергалась активному обсуждению, либо, в лучшем случае, оно использовалось в довольно неопределенном смысле по отношению к некоторым паттернам поведения юношества⁸. Сегодня широко утверждается не только то, что молодежная культура является социальным фактом, но и что она стоит в массовой оппозиции к социально-культурному статус-кво или даже представляет собою будущее общества⁹.

Что касается молодежной культуры, то мы имеем здесь дело с весьма новым явлением, которое еще не вполне изучено социологами. Большинство комментариев этого явления исходит от журналистов и популярных писателей, и данные по этому вопросу неудовлетворительны. Поэтому мы можем здесь высказать по поводу этого феномена лишь

* То есть в 60-е гг. прошлого века. — Прим. перев.

⁸ См. James Coleman, *The Adolescent Society*, New York: Free Press, 1961; Ernest Smith, *American Youth Culture*, New York: Free Press, 1962.

⁹ Kenneth Keniston, *The Uncommitted*, New York: Harcourt Brace, 1965; Theodor Roszak, *The Making of Counter Culture*, London: Faber, *The Making of Counter Culture*, London: Faber & Faber, 1971; Charles Reich, *The Greening of America*, Penguin Books, 1972.

пробные и осторожные утверждения. И все равно мы ведем речь о явлении огромной важности в современном мире, и если не остается ничего другого, то хотелось бы выразить те вопросы, которые оно ставит.

На собственно социологическом языке более адекватным было бы описывать этот феномен понятием *субкультура*. Как можно заключить из самого термина, субкультура означает социально-культурную формацию, которая существует как нечто вроде острова или анклава внутри более крупного острова. Мы уже касались субкультурных феноменов, имея дело с классом, этничностью и расой в Америке. Так, сообщество черных формирует субкультуру в американском обществе. Какими бы ни были возможные последующие отношения молодежной культуры с более крупным обществом, в данный момент она отчетливо существует в рамках последнего. Однако она обладает рядом характеристик, которые можно описать в виде пробы.

Молодежная эстетика, коллективное участие и мораль

С культурных позиций в собственном смысле этого понятия мы можем различать два типа характеристик: эстетические и моральные. Эстетические характеристики относятся к совершенно особому стилю и вкусу, существующими в рамках молодежной культуры. Это нетрудно увидеть в стиле личного внешнего вида, выражаемое в одежде, украшениях или прическе. Молодежная культура имеет примечательный артистический налет (относящийся к ее спонтанности и творчеству). Вероятно, наиболее бросающееся в глаза выражение — это рок-музыка, которая гораздо более, нежели просто форма искусства, стала для молодежной культуры чем-то вроде символического манифеста, если не сказать — причастия. В изобразительных искусствах вкус вылился в направлении очень красочных и непокорных форм, обычно именуемых психоделическими (что порождает поразительное и интересное сходство с тем, что в Германии полвека назад называлось *Jugendstil*). В той степени, в какой подобный вкус распространился на исполнительские искусства, такие как танец и театр, он продвинулся также в направлении неограниченной экспрессии, буйства и коллек-

тивного участия. Этот последний элемент действительно представлен во всех эстетических выражениях этой субкультуры. Акцент делается на сообществе, на принадлежности, на коллективно разделяемом экстазе — все те ценности, надо отметить, которые находятся в самом резком контрасте с этосом бюрократического общества.

Тема коллективного участия перебрасывает мост между эстетикой и моралью. Коммунализм появляется как моральная ценность, стоящая опять же в резкой оппозиции индивидуализму и конкурентности общества среднего класса. Периодическими темами являются честность, искренность, «аутентичность», противопоставляемые «лицемерному» взрослому миру. Существует сильный акцент на освобождении от всех ограничений и на стремлении к наслаждению без всякого чувства вины. Здесь проявляется антитеза пуританскому наследию американского общества, включая «протестантскую этику», которая сыграла и все еще продолжает играть такую важную роль в этосе капитализма¹⁰. Широкое распространение галлюциногенных наркотиков стало наиболее ярким выражением этих тем. Но было бы ошибкой идентифицировать эти темы исключительно с сюжетом наркотиков. Вероятно, более важным и более постоянным выражением этих тем является область сексуальности, где их выражение тесно связано с так называемой сексуальной революцией. В рамках молодежной культуры секс твердо определен как одна из наиболее важных, если не самая важная сфера, в которой индивид испытывает себя и других с полной свободой и честностью. Нынешний культ нудизма — мощное выражение этого стремления к «аутентичности». Индивид, демонстрирующий себя обнаженным, отбрасывает не только одежду, но и маску неискренности, под которой он прежде скрывал свою подлинную идентичность.

Во всем этом имеется интригующая комбинация коллективизма и индивидуализма. С одной стороны, молодежная культура энергично утверждает сообщество, и ее основные символические действия выражают почти мистическое слияние многих индивидов в общем переживании

¹⁰ Оживленную критику этого аспекта молодежной культуры в Британии см «The End of Protestant Ethic» in David Martin, *Tracts Against the Times*, London: Lutterworth, 1973.

экстаза. В этом пункте самым известным случаем стал Вудсток, но и любой вполнину менее успешный рок-концерт повторяет этот опыт на менее грандиозном уровне. Однако с другой стороны, молодежная культура категорично утверждает автономию каждого индивида и его право «делать то, что он хочет» в пределах возможного. Это только видимое противоречие. Лежащая в основании этого тема — поиски подлинной идентичности. Сообщество и его экстазы переживаются как средства для достижения этой цели. Мы не можем здесь озабочиваться тем, являются ли эти цели этически валидными или эмпирически достижимыми. Мы можем лишь описывать эту мораль, как она сама себя представляет в молодежной культуре, и пытаться понять, каким смыслом она наделена с ее собственной точки зрения.

Субсидирование и молодежный рынок

Каждая человеческая культура или субкультура имеет экономические основания, и юношеская культура не является исключением. Экономика молодежной культуры важна для понимания ее связей с более крупным обществом. С одной стороны, необходимо подчеркнуть, что объем этой субкультуры тем или иным образом субсидируется более крупным обществом. Как мы уже указывали, все более возрастающее число молодых людей не вовлекаются в формирование рабочей силы. Во многих случаях субсидирование молодежи осуществляется прямо через родителей. Однако, помимо этого, существует большая и постоянно расширяющаяся сеть субсидий через образовательную систему, большая часть которой, в свою очередь, субсидируется государством.

В то же время молодежная культура конституирует огромный рынок. Ее особые вкусы и стили выражают себя не только в неэкономическом поведении, но, что весьма важно, в паттернах потребления. Существуют крупные деловые интересы, вовлеченные в маркетинг молодежной одежды и украшений, молодежной музыки и ее чрезмерно дорогого оборудования, молодежного искусства и — нет нужды лишней раз упоминать — в наркотики, потребляемые в рамках молодежной культуры. Этот экономический рынок и те, кто делают бизнес в нем, вовлечены в непрерывное *взаимодействие* с молодежной культурой. И в некоторых слу-

чаях некоторые из характеристик молодежной культуры активно манипулируются этими внешними интересами. Каково бы ни могло быть историческое происхождение красочной одежды, которая стала чем-то вроде молодежной униформы, она энергично просачивалась в общество с помощью рекламы и оказалась чрезвычайно выгодной для большого числа бизнесов.

Имеется парадоксальная связь между молодежью и субкультурными паттернами ее потребления. С одной стороны, эти паттерны выражают то, чем молодежь хочет быть. С другой стороны, поскольку они находятся на рынке, они могут быть куплены кем угодно — включая индивидов за тридцать, которые желали бы идентифицироваться с молодежью. Как неизбежно случается со всякой сферой социальной жизни, в которой становится важной реклама, молодежная культура оказалась сильно подверженной динамике *моды*. Мода, которая поистине всегда с ней, все время меняется, по меньшей мере, отчасти вследствие того, что моделями манипулируют те, кто имеет в них экономический интерес, и поэтому от индивида, который не желает остаться позади, требуются значительные усилия. В результате молодежная культура с высокомерным презрением относится к «крысиным гонкам» пригорода, произвела на свет свою собственную версию игры «держаться наравне с Джонсами».

«Статусные сферы», бесклассовые экстазы и паттерны потребления

Важно также понять отношение молодежной культуры к стратификационной системе. Молодежная культура в значительной степени пересекает классовые линии. Если обратиться еще раз к полезному понятию Т. Вульфа «статусные сферы», молодежная культура создала символы и паттерны поведения, которые способны даровать статусы индивидам, происходящим из различных классовых слоев. В дополнение к этому, как часть ее этики безжалостной искренности (не говоря уже о нудизме), молодежная культура обладает сильным эгалитарным этосом, который не

только сделал ее местом совершенно замечательной расовой терпимости, но и чем-то вроде реально бесклассового общества. Это стирание классовых линий особенно примечательно во внешних выражениях этой субкультуры. Так, молодые люди всех классов могут принимать совместное участие в коллективных действиях экстаза рок-фестивалей (и, насколько известно, это действительно имело место в таких случаях). Классовые линии начинают становиться менее важными, когда дело доходит до паттернов потребления, поскольку молодые люди разных классов имеют разное количество денег, которое могут потратить. Мы уже упоминали значительные затраты, включаемые в получение адекватного оборудования для воспроизводства молодежной музыки; не каждый, помимо всего прочего, может позволить себе пользоваться высококачественными системами.

Однако, вероятно, самые важные классовые различия можно найти в области ценностей и сознания. Во всяком случае, в Америке наиболее полное развитие «нового сознания» молодежи явно получило в высшем-среднем классе. Поэтому в тех колледжах, которые посещает молодежь более высоких классов — скорее, нежели в колледжах, посещаемых детьми из семей низших-средних и рабочего классов, — молодежная культура расцветает более впечатляющим образом. Здесь не место для размышлений о различных возможных объяснениях этой связи. Нам, однако, хотелось бы коснуться упомянутого выше обсуждения различий в воспитании детей между классами американского общества и предположить, что именно там самое правдоподобное место, где нужно искать социологическое объяснение этой связи. Молодежь высшего-среднего класса не только в большей степени идентифицируется с молодежной культурой, но и способна завоевать симпатии взрослых в гораздо большей степени в том же высшем среднем классе, нежели в низших стратах американского общества. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что родители с большей степенью вероятности терпимы к экстравагантным поступкам собственных детей, нежели других. В любом случае взрослые высшего среднего класса готовы в большом числе случаев терпеть многое, если не все в молодежной культуре. С другой стороны, люди низшего среднего и рабочего клас-

са гораздо более склонны рассматривать молодежную культуру в лучшем случае как весьма подозрительное явление, а в худшем — с моральным отвращением. Недавно мы имели случай наблюдать некоторые из политических аспектов этого различия.

Молодежь: изменчивые вестники новой политики и религии

Необходимо подчеркнуть, что одним из аспектов молодежной культуры является ее изменчивость. Ее эмоциональность и ее ценности, равно как и ее ненадежная экономическая структура, — все они вносят свой вклад в это. Важно помнить об этой ненадежности при рассмотрении недавних идеологических выражений молодежной культуры, особенно в области политики и религии. За последние несколько лет в американской молодежной культуре существовало то, что можно было бы, в общем, назвать (за неимением лучшего термина) «левым настроением». Оно выражает себя в довольно широкой оппозиции, простирающейся от умеренной до радикальной, некоторым аспектам не только текущей американской политики (особенно война в Юго-Восточной Азии), но и некоторым базовым ценностям американской экономической и политической системы. Это привело некоторых людей к взгляду — с чувством надежды или тревоги — на молодежную культуру как на потенциально «революционную» силу.

Также в последние годы в той же самой субкультуре возникла замечательная волна интереса к религии (и особенно к ее более оккультным и эзотерическим выражениям). Многие люди сделали вывод, что эта молодежная культура является авангардом новой эпохи религии (к примеру, хорошо известный писатель Пол Гудмен в недавней журнальной статье в ходе обсуждения молодежной культуры говорил о новой Реформации). Возможно, что молодежная культура может действительно стать предвестником или курьером таких политических или религиозных трансформаций. Однако также возможно, что эти тенденции могут значительно измениться в самом недалеком будущем как раз вследствие вышеупомянутой изменчивости. Это следует хорошо помнить некоторым комментаторам, когда они выдают излишне самоуверенные прогнозы.

Молодежная культура: конфронтация и непрерывность

Элементы конфликта между молодежной культурой и более широким обществом нашли свое выражение в последние годы не только в Америке, но и в интернациональном масштабе. Главным местом такого конфликта стали университеты, — хотя позднее признаки его проявились и в средней школе. Паттерны конфронтации между университетом и мятежными студентами, в том виде, как он возник в Беркли около семи лет назад, стали в сознании многих (и молодых, и старших) главными выражениями молодежной культуры¹¹. Несомненно, эта конфронтация имеет большую важность для нашего общества и важна она не только для университета как института. Однако вполне возможно, что элементы конфликта в отношениях между молодежной культурой и большим обществом преувеличены. Существуют также важные аспекты непрерывности между двумя этими сущностями, особенно в Америке. В Америке всегда подчеркивалось, что молодежь, помимо всего прочего, с самого начала определяла себя как «новый мир», энергичное молодежное сообщество, возникающее на основаниях упадка «старого мира». В Америке в течение длительного времени существовал этос юности, и фактически именно в результате этого этоса так много взрослых симпатизируют молодежи, по крайней мере — в некоторых текущих аспектах. Идентификация с молодежью также не является новым явлением для Америки. Среднего возраста профессор, который одевается так же, как хиппи, только повторяет паттерн пригородной домохозяйки среднего возраста, которая одевается как тинэйджер (и, во всяком случае, в некоторых местах поступала так тридцать лет назад).

Контркультура: станция на пути к постоянному поселению?

Тем не менее, мы не будем отрицать общего мотива оппозиции современной молодежной культуре. Важный воп-

¹¹ См. Daniel Bell and Irving Kristol (eds.) *Confrontation*, New York: Basic Books, 1969.

рос (на который, возможно, здесь не будет ответа) состоит в том, не вырастает ли сейчас из молодежной культуры постоянная *контркультура*, которая может со временем впитать в себя индивидов из различных возрастных групп. Молодежная культура это — по самой своей природе — пересадочная станция в жизни индивида. К сожалению, *каждый*, какой бы длины ни были его волосы, постепенно стареет. В этом отношении многие из выражений молодежной культуры могут быть лишь красочным повторением почитаемого американского паттерна «перебеситься». Другими словами, общество позволяет индивиду «откинуться» на период в несколько лет и даже проявляет готовность субсидировать эту операцию. Однако существуют указания на то, что для некоторых людей эта пересадочная станция становится местом постоянного поселения. Это, конечно, те, кто «откидывается» постоянно и выращиваются в такой ситуации. Часто, объединяясь в коммуны, маргинальные академические общины, или зоны хиппи в больших городах, они обычно бывают заняты в маргинальных профессиях и ведут такой же образ жизни, который подчеркнуто противоположен среднему классу. Если такой тип контркультуры поддерживает себя как перманентная черта общества, и если он охватывает значительное число людей, то это для американского общества будет фактом огромной важности.